

РЕЦЕНЗИЯ

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ СТИЛЕОБРАЗОВАНИИ

«Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности» / Под ред. О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубовой, вступ. ст. О. Л. Лейбовича. — Пермь: редакционно-издательский совет ПГГПУ, 2013. — 240 с. ISBN 978-5-85218-647-8

Вышедшая в свет коллективная монография пермских ученых репрезентирует социально-культурный «автопортрет» пермяков, составленный на основе двухлетнего изучения самоидентичности, социальных стереотипов и представлений жителей Перми.

К чести руководителя проекта — заведующей кафедрой культурологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета — О. В. Игнатъевой, эмпирические данные, полученные в декабре 2012 года, были обработаны, интерпретированы, опубликованы и оглашены на организованной в рамках проекта всероссийской конференции в течение полугода после проведения опроса. В этом смысле рецензируемый проект может рассматриваться как модель при проведении исследований в области социологии города, ведь облики крупных городов России сегодня меняются так стремительно, что затянувшиеся более чем на полгода обработка данных и подготовка публикации приводят к утере актуальности полученных результатов и досадным последствиям для исследователей.

Стоит отметить европейский дизайн издания, достаточно ёмко отражающий концепцию и название проекта. На обложке, отороченной по срезу красной полосой, напоминающей о скандальных красных человечках, размещен фотоколлаж современных знаковых памятников Перми, выполненный в форме буквы П (образ Пермских ворот Николая Полисского). Название книги «Пермь как стиль» сразу наводит на ассоциации с пермским периодом, пермским звериным стилем, знаменитой пермской деревянной скульптурой и последними экспериментами пермяков с современным искусством, вызывая аллюзии с культурным опытом региона и его символическим капиталом. Это позволяет отметить не только

удачный дизайн, но и емкое название книги, обозначающее как специфику объекта исследования, так и его концептуальную базу. Академическая трехчастная структура также не лишена новизны – после традиционных теоретической и эмпирической частей следуют не привычные проекты или рекомендации, а результаты исследований пермской культуры историков, культурологов, экономистов и антропологов.

В первом, теоретическом разделе книги авторы определяют свои методологические позиции как конструктивистские, а также развивают теорию стиля и инсценировки Л. Г. Ионина. Обобщая вслед за последним теоретические положения М. Вебера, Г. Зиммеля и Ф. Тенбрука, пермский социолог О. В. Лысенко выдвигает рабочее определение городского стиля жизни, где стиль — это «специфический способ организации своей жизни индивидом, вытекающий из их представлений об окружающем мире (включая идентичность) и предполагающий утверждение этого представления в практиках и риториках» (с. 15). В качестве «источников формирования стиля» автор выделяет групповую идентичность, культурные образцы и институциональное давление. А элементы стилеобразования разделяет на:

- 1) артикулированные — одежда, аксессуары, эмблемы, знаковые здания, природные объекты и др.;
- 2) неартикулированные — темп речи, говор, особенности одежды, жестов, выражение лица;
- 3) символизм мизансцен — центр города, места публичных праздников, прогулок, встреч и отдыха;
- 4) лингвистические компетенции — сленг, включая жаргонизмы, топонимы, прозвища, названия знаковых предметов и событий;
- 5) морально-эмоциональный настрой;
- 6) доктринальное ядро, воплощенное в фольклоре, литературно-публицистических текстах и пр.

В главе «Немного теории, классической и не очень» пермские социологи О. В. Лысенко и А. В. Шишигин, препарировав современную теорию идентичности, раскрывают ее потенциал в изучении взаимодействий географического и социального пространств. Авторы справедливо актуализируют научную проблематику территориальной идентичности в связи с современными проблемами миграции, разделением «городских поселений на глобальные города и глобальную периферию, связанный с этим запрос на брендинг городов» (с. 29) и т.д. Результатом теоретических рассуждений становится предложенная социологами

методология, в основе которой исследование соотношений локальной и региональной идентичностей социальных субъектов.

Большинство своих положений участники проекта последовательно доказывают в ходе двух полевых исследований «Пермь как стиль» (выборка 960 чел.) и «Барьеры и возможности» (выборка 800 чел.). В изложении эмпирических результатов сразу притягивает конкретика социально-культурных представлений и стереотипов пермяков, реконструированная в собственном «автопортрете» и социально-психологических «портретах» жителей различных городов, наглядно представленная в диаграммах.

Самой яркой чертой «пермского стиля» сами пермяки считают «пермский говор» (80,9%), в два раза меньше на их стиль жизни влияние оказывают особые традиции и обычаи (40,4%), на третьем месте — особая мимика, выражение эмоций и осанка (31,4%) (с. 70).

Среди теоретических положений исследования можно отметить ряд значимых выводов о различных идентификационных механизмах, требующих дальнейшей апробации в поле других регионов. Так, ученые выявили, что если для коренных пермяков «городская локальная идентичность оказывается на данный момент наиболее значимой и наиболее распространенной» и «переживается как самая актуальная и практичная», то для недавно приехавших в Пермь «этничность и географическая идентичность оказываются более значимыми». Интерес представляют и выявленные в ходе исследования сопряжения между городской идентичностью и социальной успешностью горожан. Чем выше уровень образования, размер дохода и социальное положение пермяка — «тем более он начинает тяготеть к более обширным идентичностям, прежде всего — гражданским. И здесь очевидно, «пермскость» начинает восприниматься либо как одна из возможных идентичностей в ряду прочих, либо как «отсталость», вчерашний день (с. 56 – 58).

Особенно привлекательным чтение выводов станет для урожденных жителей Ленинграда — Санкт-Петербурга, которые, как и автор данного текста, будут приятно удивлены, узнав, что образ их земляков все еще занимает почетное место в душе россиян, в особенности, таких знатоков собственных культурных традиций и новаций как пермяки. По мнению посетивших Санкт-Петербург пермских жителей, негативных качеств у жителей Петербурга не более 3,6%, а положительных (культурные, вежливые, дружелюбные, отзывчивые, добрые, доброжелательные, гостеприимные и др.) — 85%, что на 20% больше, чем у самих пермяков. Положительнее себя пермяки характеризуют и других сограждан. В том числе соседей — жителей Екатеринбурга, городов Пермского края и Приволжского федерального округа. Но даже себе они присваивают положительных качеств на 20% больше, чем отрицательных, что говорит об их общей позитивной самоидентичности. Од-

нако «хуже «пермяков» только «москвичи». Только у жителей столицы негативные качества намного превосходят положительные», вынужден констатировать О. Лысенко и далее заключает: «Столицу нашей страны всегда двусмысленно оценивали в провинции, но сегодня можно сказать, что ее просто бояться». По данным исследования, представленным в диаграмме, количество перечисленных негативных качеств жителей Москвы пермяками — 55,6%, а положительных — 31,6%. (рисунок 4,4 на с. 93). Эта неутешительная картина образа москвича подтвердилась и в опросе учащейся молодежи г. Мурманска, где по согласованию с авторами рецензируемой работы был предложен аналогичный вопрос¹. В оценках мурманской молодежи негативных качеств жителей Москвы было названо практически столько же — 56 %. Диагностируя определенное социальное напряжение в отношениях столица - периферия, представленные данные подтверждают необходимость дальнейших исследований в области социально-культурных стереотипов россиян. Причем уже сейчас назрел вопрос междисциплинарных экспертных оценок, как в области современных индикаторов, так и самой современной аксиосферы этиками, социологами, культурологами, психологами и лингвистами.

Последовательно развивая логику исследования от личностной к социальной идентификации субъектов и общекультурному осмыслению идентификационных процессов, авторы приходят к семиотическому осмыслению культуры Пермского края. В главе «Символические ландшафты городского пространства» О. В. Игнатьева и О. В. Лысенко рассматривают процесс актуализации исторической памяти в регионе с середины 19-го века. Конструирование образа региона с археологическим наследием, высоким уровнем благосостояния местного населения и промышленности, развитыми образованием и культурой способствует формированию к началу XX века первых «региональных символов» — пермского звериного стиля и пермской деревянной скульптуры.

Авторы тщательно прослеживают все этапы советского и постсоветского мифотворчества, показывая, как появляется концепция горнозаводского региона в 20-х годах XX века, универсальный образ советского «города труженика», а затем постсоветские реконструкции символики «строгановского региона» и культуры Серебряного века, когда «город обрастает текстами Б. Л. Пастернака, А. П. Чехова, С. П. Дягилева, Романовых и пр.» (с. 102). В 2000-х все более звучит этнокультурная специфика, разворачивается фестивальное движение этнофутуризма, а затем концепция развития города как будущей культурной столицы Европы, последовательно артикулируемая с 2008 года. Выявленные в

---

¹ Магидович М. Л. Культурные индустрии Кольского Севера сквозь призму социологического опроса учащейся молодежи // Культурные индустрии Кольского Севера: социолого-культурологическое исследование: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. М. Мосоловой. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013.

области культурных символов факторы-индикаторы, позволили ученым оценить и эту область при помощи эмпирического социологического инструментария.

В параграфе «Слои пермской культурной символики» (О. В. Игнатъева, О. В. Лысенко) показано распределение в ответах респондентов наиболее значимых символов пермской культуры. На первое место, в качестве символа Пермского края, пермяки выдвигают достижения советского времени, связанные с событиями Великой Отечественной войны — пермский балет (49,1%), подъем которого связывается с эвакуацией в Пермь Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова вместе с Ленинградским хореографическим училищем, и памятник уральскому добровольческому корпусу (40,2%) (с. 105). Третье место заняла знаменитая пермская деревянная скульптура (37,2%), четвертое — фестивали современной художественной культуры (33,1%), связанные с культурной политикой 2008-2013 гг.

Последние главы издания, в большей степени посвящены духовно-политическому измерению культуры Пермского края. Здесь раскрывается история европеизации пермской культуры (М. А. Оболонкова), выявлены фундаменталистский дискурс в дебатах о пермской культуре (Г. А. Янковская), механизмы репрезентации пермских культурных смыслов в виртуальной риторике блогосферы (С. Г. Дюкин). В главе о стилистике «гражданской жизни» (В. С. Ковин) раскрыты особенности гражданского общества в Пермском крае, роль правозащитников и общественников «третьего сектора» в демократизации политических взглядов и социальной консолидации пермяков, формировании позитивного образа «успешного гражданского активиста, который благодаря своей активности становится публичной, известной, уважаемой фигурой, делает своеобразную «гражданскую карьеру». Все это приводит автора к признанию наличия пермского «гражданского стиля» и необходимости его дефиниций (с. 192). В главе «Экономическая эффективность или социальная справедливость: стратегия успеха по-пермски» А. Г. Кузнецов и С. М. Селезнева, выявляя жизненные стратегии жителей пермского края, раскрывают маркеры и факторы успешности пермяка (с. 200 – 223). Репрезентации информационного кода города в его неофициальной топонимике посвящена глава И. А. Подюкова.

В заключение стоит признать, что исследование пермских ученых дает импульс к новым межрегиональным и кросс-культурным исследовательским проектам. Станет ли книга «Пермь как стиль» в современной науке о городе «иконой стиля», покажет время, но то, что разговор о пермском стиле доказал наличие в Перми профессиональных ученых, думающих не только по-пермски, но и в русле современных мировых научных тенденций, несомненно доказывает наличие высокой научной культуры в регионе.

М. Л. Магидович